

Часть первая

Первое мая 1936 года

Тьма накрывала город бесшумно, подкрадывалась за спиной. Нина чувствовала запах вспоротой земли и паровозного дыма, чуть горьковатый, копченый, как тот, что появляется, если тереть камнем о камень. Мгновение назад она выскочила из вагона в распахнутом плаще, будто затхлый и пыльный воздух электрички — забитые на зиму форточки тому виной — сам вытолкнул ее наружу. Нина легко маневрировала между лужами на платформе; одну назвала про себя океаном, вторую — впадиной. В районе Курской заставы живо разбежались трамваи, делали у вокзала почетный круг, блестели мокрые после дождя рожки троллейбусов. Когда она шагнула на трамвайную площадку, в небе отчетливо громыхнуло, эхом отшатнулось от слепого торца вокзала, обрушилось где-то за железнодорожными путями; обиженно заскрежетал товарняк. Гроза! И первого мая, вот неудача.

Но это не повод опаздывать. Нина прищурилась, чтобы рассмотреть время на настенных часах: успевает вроде бы. Сегодня ехала с дачи прямо к Ганечке, то есть за Ганечкой, даже домой заходить не будет, забежит сразу в первый подъезд, заберет их с Владиком, потом они спустятся под землю: давно обещали мальчику показать метро, доехать

от «Красносельской» до «Охотного ряда» и сразу — на Красную площадь.

Трамвай выехал на влажное с испариной Садовое кольцо, обогнул дом, в котором жили сослуживцы мужа, Генриха Беккера, — ребята из Наркомата путей сообщения. Они и сами могли бы тут жить, но Генрих хотел подальше от вокзала, сказал, что раз уж они могут выбирать, то почему бы не выбрать. Курский вокзал за спиной — огромный торжественный дворец, просторный, с башнями, двухколонным портиком и стеклянными фонарями. Нине он очень нравился, но шуму от него, конечно, много, а еще здесь хватало всего: суеты, нищих, попрошаек. Нина любила зайти туда, как в музей, посмотреть на отъезжающих и прибывающих, послушать разговоры. Она любила вокзалы. Во время поездки в Париж в 22-м они с Генрихом поселились у Северного вокзала, и Нина каждый день обязательно проводила полчаса под его кружевными сводами — смотрела на людей.

Хотя, если бы Нину спросили, где она хочет жить, в каком крае Москвы, она бы сказала, что где-то на русских Елисейских Полях, возле Петербургского (теперь — Ленинградского) шоссе, где зелено и широко и где они с Генрихом часто катаются на велосипедах. У нее есть даже специальные для этих случаев сапоги — высокие, узкие, со шнуровкой.

Но Нину не спрашивали. С Гороховской улицы, из комнаты, окна которой выходили на Московский

институт землеустройства (Нина часто смотрела на него и фантазировала, будто изучают в этом институте действительно то, как устроена Земля — в глобальном и философском смысле — от начала времен и до дна человеческой сути), они переехали в новенький, только что отстроенный дом Обрабстроа, необыкновенно многофункциональный и авангардный, который напоминал фасадом распахнутую книгу, а окнами — круизный корабль.

Там они с Ганечкой и познакомились — можно сказать, были соседями, хотя и не вполне: жили по разные стороны дома, Нина с Генрихом слева, а Ганя с Андрюшей и Владиком справа. Нина обитала в «квартирной» части, Ганечка — в «коридорной». Это значит, что у Нины соседей не было, им выдали на семью просторную двухкомнатную квартиру, а у Гани было еще двое соседей в ее части и четверо в соседней, где кухня. Чтобы попасть на кухню, ей нужно было выйти из комнаты, пройти через лестничный пролет в квартиру напротив. А вереница из живущих на кухонной стороне не иссякала с утра до вечера по пути в уборную на противоположной, Ганиной, части.

Столкнулись они в гастрономе; Ганечка хотела взять творог для Владика, взвесила уже, но где-то оставила кошелек — нелепость и глупость и даже в чем-то трагедия, но Ганя лишь виновато покачалась сердитой продавщице, потрепала Владика по голове и как-то легко смирилась: «Ну что же, теперь без творога». «Может, найдете

еще? Кошелек-то?» — спросил кто-то участливый из очереди, а Нина залюбовалась Ганей и легкостью, с которой та приняла неловкость, и, сама от себя не ожидая, предложила творог оплатить. Ганя сначала отказывалась, конечно, но очередь ее поддержала: «Возьми сыну-то, растяпа». Она и взяла. Клятвенно обещала деньги вернуть, как только кошелек найдется; он и правда нашелся — оказалось, оставила дома. Шла в магазин через библиотеку и детские качели, поэтому не сразу поняла, что не взяла. Но это уж потом выяснилось, а пока они с Ниной пошли по осенней улице вместе, загребая ногами ботишков лужи и подточенные временем листья.

Ганечку звали Ханной. Красивое имя, странное и очень неотесанное как будто, Нине хотелось его смягчить. «Буду звать вас Ганечкой, вас устроит?» Ганечка улыбалась.

Нину все удивляло и восхищало в Гане: ее молодость, легкость, небрежность. Как будто весит она как гагачий пух и ветер вот-вот оторвет ее от земли и унесет куда-то, растяпу и выдумщицу. Сама Нина была женщиной яркой: крупные черты лица ее — нос, губы, темные глаза — неизменно привлекали внимание не меньше, чем ее авангардные костюмы — мужские рубленые брюки и пиджаки иной раз легко соседствовали с мягкими шляпками с перьями, а пышные платья — с кепкой типа «гаврош» и высокими охотничьими сапогами. Кроме прочего, Нина курила. Портсигар из слоновой

кости она купила в Париже в середине двадцатых, а мундштук, на котором искусный мастер вырезал пароходик, Генрих привез ей из Берлина. Нина курила — пароходик дымил.

Волосы Нина укладывала в строгое каре по моде, но непослушные выющиеся пряди постоянно выскакивали из-под головных уборов и заколок и все равно лежали волнами. Если Нина их не укладывала по всей строгости — на даче или когда ленилась, — на ее голове возникало черное облако из по-африкански кудрявых волос. «Мелкий бес», как она говорила. В Нине и правда было что-то беспокойное, резкое, хваткое: она умела быстро принимать решения, в голове просчитывать варианты и выбирать правильный, полагаясь на интуицию и смелость. «В тебя как будто черт вселился», — замечал иногда Генрих, наблюдая за ее кипучей деятельностью. «А я его не выселяла», — парировала Нина.

Генрих давно привык к импульсивности жены, ни в чем ее не ограничивал, их жизни были четко разделены: частная жизнь Нины и частная жизнь Генриха — Гены, как его называл ближний круг. Нина принимала амбиции Гены, привычку с головой отдаваться работе, его увлечения: Гена коллекционировал предметы искусства, любил красивые вещи, в основном посуду и статуэтки, иногда картины, многое в этом понимал — мог отличить подделку от подлинника, любил музеи. По-настоящему мужских занятий у него не было, разве что поезда,

но поезда были неминуемым пристрастием каждого работника Наркомата путей сообщения. Генрих был очень красив: черты его матери, русской дворянки, удачно сошлись с чертами отца, этнического немца, отчего в лице Генриха проявились и немецкая строгость, и порода, а любовь к велосипедам и лыжам позволяла ему выглядеть молодо и подтянуто, несмотря на то что он был отчетливо старше Нины. В этом году ему как раз исполнилось сорок пять; юбилей отпраздновали на аэродроме, где Гена исполнил свою давнюю мечту — прыгнул с парашютом.

В благодарность за то, что Нина не посягала на его свободу и многого не требовала, Гена позволял и ей иметь свои, только свои развлечения — встречаться с подругами, шить наряды, устраивать карнавальные вечера на даче, ходить в театр, курить и петь. Нина хорошо пела. Она отлично владела инструментом, он даже купил и перевез на дачу старенький «Лихтенталь», несмотря на то что на вечерах, которые устраивала Нина, все чаще звучал патефон. Нина заявляла, что не хочет быть мебелью, по нраву ей главные роли, а для этого нужно участвовать, а не сидеть за фортепиано. Но иногда все же играла — вечерами, одна, для себя. Генрих даже выходил из своего кабинета, чтобы послушать.

Были у супругов и общие интересы: в теплую погоду они обязательно совершали совместную велосипедную прогулку, катались по городу,

потом устраивали пикник в одном из садов. Иногда ездили в Эльдорадо, иногда в Эрмитаж, чаще всего, конечно, навещались в Баумана. Если заезжали в Эльдорадо, обыкновенно брали лодку, Генрих отлично с ней управлялся, а Нина предпочитала катамаран: не любила сидеть без движения. Зимой ходили на лыжах, устраивали лыжный пробег и ежегодный зимний костер — на него съезжались друзья, в основном коллеги Генриха с женами и детьми — хорошие, честные люди, по кругу рассказывали истории, жарили хлеб, пили «Перцовую» или портвейн — чтобы согреться.

Генрих круглые сутки пропадал в Наркомате: должность имел серьезную и ответственную — опаздывать нельзя, задерживаться можно. Когда начались пятилетки, работы навалилось с горой — приходилось выполнять и перевыполнять планы, следить, чтобы сошлись копейка с копейкой, а деньги через его руки проходили немалые. Нина служила там же машинисткой. Познакомились они сразу после революции: Нина поступила на службу в НКПС конторщицей, едва ей исполнилось восемнадцать. В том же году ее перевели сначала на должность счетовода, а потом делопроизводителя в финансово-экономическое управление, где они и встретились с Генрихом, который служил в управлении начальником. С тех пор Нина успела поработать в «Красном пути», в Спасском конном парке Москомтранса и вернуться в главное управление НКПС (специально не в отдел Генриха)

на должность машинистки со средним окладом в 225 рублей.

Ганя два раза в неделю вела у детей сольфеджио в Доме пионеров, несмотря на то что с детства хотела стать актрисой, и ее живое миловидное лицо с тонкой фарфоровой кожей и яркими синими глазами было прямым распоряжением от этой мечты не отступать. Из Ганиного лица можно было слепить что угодно: и Пьеро, и Золушку, и Джульетту, и Мальчика-с-пальчик — Нина убедилась в этом во время своих карнавальных дачных вечеров. Если в нашитых из тюля и крепа костюмах сама Нина всегда смотрелась как Безумная Нина, то Ганя смотрелась естественно — представляла собой ровно то, что от нее в этот момент требовалось. Ганя мечтала, что непременно выучится на актрису, как только справит Владика в школу — всего два года осталось, можно и подождать. Нина резонно полагала, что Гане времени хватит: в будущем августе ей исполнится двадцать пять.

Муж Гани, высокий и широкоплечий Андрюша, как будто сошедший с полотна известного художника Дейнеки, изображающего идеального советского рабочего, служил инженером-технологом на заводе «Точизмеритель имени Молотова», где делали пипетки, шприцы, ареометры, психрометры и — именно в этом отделе работал Андрюша — первые в стране ртутные градусники.

И Андрюша, и Генрих приходили со службы поздно, так что женщины — с половины четвертого

Нина и с двух часов дня Ганя — были предоставлены сами себе и отлично проводили время. С первой же встречи Ганя стала у Нины учиться: «Расскажите мне, Ниночка, как вы варите солянку». И они вместе варили суп — по части странных рецептов Нина была первой: она готовила по большой поваренной книге Молоховец, на ходу адаптируя все рекомендации под окружающую советскую действительность. «Обучите меня писать красиво, как вы». И Нина старательно ставила Гане руку, как учили ее сначала в гимназии, а затем на Бестужевских курсах. А Ганя смеялась. Так что с осени до зимы Нина то и дело пропадала в комнате у Гани, а однажды сказала: «Может, вам, Ганечка, с Владиком ко мне прийти? У нас же кухня есть, а соседей нет». И так оказалось сподручнее. Теперь у Нины дома время от времени проносился вихрь: Ганя и Владик нападали на ее жилище с энергией паровоза, а домработница Нины и Генриха Евгения Емельяновна, которую называли ласковым прозвищем Евгеша, только и успевала подавать и уносить, убирать и затирать — в общем, пришлось ей повысить жалованье. «За вредность», — как она говорила. Впрочем, ни в Гане, ни во Владике вредности не было никакой, только чистая и частая жажда жизни, которую Нина изучала, примеряла к себе, а примерив — присваивала.

Сегодня и Нина, и Ганя встали ни свет ни заря: у Нины была ранняя электричка, Ганя же с раннего утра готовилась к Первому мая, рисовала для

Андрюши плакат, дошивала платье — в этот день хотелось быть очень красивой, пожалуй, как никогда.

Вместе с последней вспышкой ослабевшей молнии Нина подошла к дому. Уже не лило, однако туфли все равно промокли, но черт с ними, поставит у печки просохнуть, пока Ганя наводит марафет: к ней когда ни приди, она все равно не будет готова. «Почти готова», — скажет она и еще двадцать минут будет рисовать угольным карандашом стрелки в уголках глаз, подкрашивать тушью ресницы и пудрить щеки. Как говорили в народе, «на глазах ТЭЖЭ, на щеках ТЭЖЭ, на губах ТЭЖЭ, а целовать где же?»

Ганя открыла ей весело, порывисто обняла и отстранилась, чтобы Нина вошла, Владик уже бежал ей навстречу — в белой сияющей рубашке, как маленький новорожденный Бог.

Ганя покончила со своим макияжем, на небо вылезло солнце. Нина подумала между делом, что сегодня и не могло быть иначе: гроза отступила, понимая, насколько она некстати.

Как договаривались, пошли к метро: Владик очень хотел посмотреть на поезд и на таинственную подземную станцию, и Нина выбрала «Красносельскую», чтобы мальчик, впервые оказавшийся в метро, мог чуть-чуть подольше проехать.

Нина (в необыкновенном приталенном брючном костюме) и Ганя (в чудесном белом платье в мелкий бирюзовый цветочек) под руку вошли

в метро, Владик залюбовался уже самим зданием: что-то нездешнее, новое виделось в слегка изогнутой на манер китайской пагоды крыше, пришлось его даже оттаскивать; торжественно спустились на эскалаторе в подземное царство. Владик жадно рассматривал футуристическое пространство: огромные луны ламп внутри кессонов, граненые колонны из ржавого мрамора, светящиеся табло. Стоял, раскрыв рот, а Нина радовалась его восторгу.

И вот — громкое, громкое, шумное — подъехал к станции поезд цвета кофе с молоком. Они вошли — все сиденья были заняты, в глазах рябило от красного: люди ехали с флагами, транспарантами, захваченные общим счастьем. Тут поезд тронулся, позади осталась светлая нарядная станция, замелькала в окнах глазурированная плитка, и Владик кинулся к Гане: «Мама, хочу на ручки, на ручки!» Заплакал. Ганя растерянно взяла его за руку: «Владичек, милый, ты чего? Я не могу тебя взять, у меня же белое платье...»

Нина подняла его на руки, кивнула Гане: мол, не переживай, я подержу. Владик зажмурился и обхватил руками Нину за шею. Со страшным грохотом неслась в темноту железная змея вагонов. Пять остановок — и толпой их вынесло на станцию «Охотный ряд»; Владик, задрав голову, смотрел на свисающие с потолка тяжелые круглые плафоны, похожие на цирковые шары, шагал по шахматным клеткам пола, а потом самостоятельно бегущая вверх лестница — это его, конечно, особенно

восхитило — выплюнула их на неожиданно летний, обветренный воздух. Погода, как нарочно, сменила гнев на милость, и Нина, Ганя и Владик, державший обеих за руки, влились в веселую толпу, залившую победным солнцем, и тут же кто-то развернул над ними огромный плакат: «Привет родному Сталину».

По Кремлевскому проезду мимо Исторического музея — внутри красной, шумной толпы Владика распирала гордость: вот он идет на Красную площадь. Над их головами необъятной тучей проплыл тяжелый медленный дирижабль, и Нина спросила Владика, кого он ему напоминает, и тот ответил: кита. Театральные тумбы вместо афиш были сплошь заклеены праздничными плакатами, на каждом из которых сияла цифра «один» — в этом Владик уже разбирался, умел, по крайней мере, до пяти.

Наконец Красная площадь. Становится тесно, но так даже интереснее. Где-то высоко, так, что Владiku пришлось запрокинуть голову, ехали по воздушным невидимым путям модели поездов и самолетов, заслоняли солнце гигантские портреты вождей. Владик уже позабыл о своем страхе: глаза разбегаются, от радости сводит живот. У других детей шарики, и ему страстно хочется тоже. Но у кого попросить его и как?

Вдруг они поравнялись с помостом, на нем — два человека в красных костюмах: рабочий и работница; уф, как же хочется таким вот стать — огненное

знамя в сильных руках, Родина в сердце и, может быть, еще шарик. Эти двое что-то кричат в толпу, и толпа отвечает — Владик не знает что, но оно и не нужно. Только одно: враг никогда не пройдет сквозь толпу таких вот людей, схватится за голову от нашей мощи, а мы вот такие — от красного рябит в глазах, — смотрите на нас и бойтесь! Владик зажмурился, пусть его и дальше несет и качает волна, сплошное море людей, берегов не видно.

...Из этого сна наяву Владика выдернуло нечто, способное заглушить музыку из рупоров, голоса и песни: прямо над ними, так что волосы у мальчика встали дыбом, с грозным рыком пронесся «ишачок» или «ястребок», «муха», «овод» — как его только не называли, — «истребитель шестнадцатый», резвая, как говорил папка, птичка, — самолет самого Чкалова. И как он похож на тот, что у Владика в саду, — совсем игрушечный! И все же совсем настоящий — железная птица на фоне синего мирного неба.

И вдруг все замерло: остановка в пути; и Владика показалось, что там, наверху, если задрать голову до боли в шее, он видит самого товарища Сталина и знает, что это отец народов, главный человек, замечает, как у мамы розовеет лицо и как она начинает кричать вместе со всеми: «Ура товарищу Сталину!» — и ее голос растворяется в океане других голосов.

Да здравствует Первое мая! Радостно у Гани на душе, у Нины — радостно от ее радости. Как там

написано на плакате: «Страна Советов — страна радости и веселья». Хороший сегодня день. Ганя в своем белом платье, Владик — веселенький, с петушком на палочке; здорово, когда все здорово, только есть очень хочется.

— Ганя, пойдемте к вам, что-нибудь приготовим? — пытается Нина перекричать рупор и наклоняется к самому Ганиному уху, аккуратно над Владиковой головой. От Гани пахнет «Вереском» — плотный медовый запах духов, какой-то телесный даже.

— Ниночка, все ведь уже готово, — весело отвечает Ганя. — Я вчера рассчитывала, что вы зайдете, так что решила испечь пирог.

— С капустой, — вмешивается Владик. — С капустой и дырочками от вилки!

Мимо приходит человек с черными окулярами.

— Смотри, Нинака, смотри! Циклоп! — показывает пальчиком Владик.

— Это у него театральный бинокль на резинке! — смеется Нина.

— А ну не тычь пальцем в людей! — бранится Ганя, а сама улыбается: ну невозможно же не улыбаться в такой вот день.

Взгляд падает на кричащий плакат: «СССР — страна талантливых людей».

— А я талантливая, по-вашему? — спрашивает Ганечка.

— Вы самая-самая талантливая, — заверяет ее Нина, смеясь.

— И в чем же, скажите, мой талант?

— Вы смешная. А как вы поете!

— А вдруг у меня получится? — говорит Ганя. — Я так хотела бы стать артисткой!

— У вас получится! — кричит Нина через толпу куда-то в вечность. — У вас обязательно все получится. Вижу ваше будущее блестящим!

На бульваре загорелась огнями карусель — под полосатым тентом веселые лошадки помчались по кругу. Какая-то женщина дала Владiku вожденный шарик, и он смеялся до слез, не мог сдерживать радости.

Дома, насилу успокоив счастливого Владика, Нина смотрит, как Ганечка собирает на стол: тепличный редис тонкими колечками, прошлогодние соленые огурцы, брызнувшие соком, делит на половинки, крошит лук, наливает в прозрачные рюмки вишневую наливку, закатное солнце плещется в ней.

— Ниночка, расскажите историю, — просит шепотом Ганя.

— Что за историю?

— Какую-нибудь. Из ваших.

И Нина рассказывает, как кошка однажды убежала в секретарскую и ее не могли отловить, как Нина перепутала листы и отправила письмо не тому, как заходил к ней домой однажды городской сумасшедший и требовал чайный гриб.

Ганя смеялась, а большего и не требовалось.

Июнь

Лето подбиралось неслышно, как охотник крадется за жертвой. Птицы пели негромко, трава неуверенно прорастала сквозь грязные лужи, листва еще не шумела во время ночной грозы, но по утрам уже чувствовалась влажная жара.

Генрих уходил рано, старался Нину не будить, хотя она все равно просыпалась от уличного шума и оставалась лежать в постели, слушая, как минута за минутой просыпается мир. Как дворник метет запыленный двор, как приезжают, гудя велосипедными клаксонами, первые почтальоны, как стучат каблуками по тротуарам самые ранние трудящиеся — на заводы, как проезжают редкие автомобили или первые троллейбусы, дребезжа. Генрих завтракал, Нина слышала во сне запах — горький аромат приставшего к джезве кофе напоминал дачные костры среди сосен, и Нина уже думала о том, как они переедут на лето в Никольско-Архангельское — возможно, с Ганечкой и Владиком. Да, с Ганечкой было бы чудесно.

Они уже обсудили, какие возьмут платья, Нина рассказала все в мельчайших деталях: какие у нее там стулья (очень красивые, тонетовские), какой стол (основательный, дубовый), какие кресла (с изумрудными узорами, на тонких

ножках и на каждой ножке — маленькое колесико), какие картины (осенний лес, зимний лес, дорога — «Вы будете смеяться, Ганя, но тоже в лесу»), какие прекрасные статуэтки (скажем, мраморная женщина на скамейке, задумчивая, в руке цветок), и Ганечка, еще ничего этого не видевшая, но живо вообразившая, восклицала: «Нина! Да у вас там просто Пушкинский музей! Такая красота!»

Нина смущенно улыбалась, придумывала, куда первым делом Ганечку поведет: на реку сначала, а потом на рынок? Или сначала на рынок, чтобы успеть купить свежего молока, а потом на реку, после обеда, когда спадет жара? Еще она думала о пирогах с вишней, о смородине, яблоках — замечательное предстояло лето.

Ганечка спросила, можно ли поехать с Андрюшей, и Нина нехотя, но согласилась. Все равно у Андрюши работа, он сможет выбираться в Никольско-Архангельское только на выходные. Как и Генрих, собственно.

Глядя на Ганечку и Андрюшу, таких молодых и ладных, Нина размышляла о том, что общего у нее с Генрихом, — и огорчалась. Сказывалась и разница в возрасте, и серьезность его характера, и долгий брак без детей. Если она и любила Генриха, то в самом начале — за решительность и представительный вид. Нина выскочила за него очень рано, ей едва исполнилось девятнадцать. В Наркомате он поручал ей работу с документами — высокий,

сильный, с крутыми усами, никогда от цели своей не отступавший. Просто пришел однажды — тяжелые и торжественные георгины в руках — и сказал:

— Отчего же вы, Нина, до сих пор не замужем?

И сам ответил:

— Надо это исправить.

Нина смотрела на него удивленно: вот так вопрос. Она не считала себя красивой, скорее, интересной: тяжелые черты лица ее прятались под густыми вьющимися волосами, черными, словно нефть. Было в ее смуглом лице что-то восточное и в то же время породистое — тысяча и одна ночь, черный бархат, шафран. Генрих хотел, чтобы это было только его. Пришел и взял — потому что мог.

— Так что? — спросил он, будто это дело решенное. — Что думаете относительно брака?

— Не знаю, — сказала она растерянно; и в самом деле — не знала.

— Так выходите за меня, что ли, — просто сказал он, улыбнувшись, и она тоже засмеялась, скорее от неловкости.

Потом они, конечно, какое-то время притирались, знакомились, но недолго: Генрих ее तो ропил. Она согласилась. Не сказать, что влюбилась безумно, но и отторжения не испытывала, он вызывал в ней уважение и в чем-то даже трепет. То, как он сидит иногда, сгорбившись над книгой, или то, как командует — приятно было находиться вне этой власти, но под защитой.

И вот уже тридцать шестой — быстро летело время. Нина работала, выдали землю под дачу: Генрих похлопотал. С ребенком не вышло, хотя Нина очень хотела. Две или три попытки закончились неудачей, потом врач сказал ей, что шансов критически мало. Нина переживала, не уйдет ли Генрих теперь к другой, более совершенной, но Генрих сказал твердо: «Я выбрал тебя, и мне теперь с тобой идти». Ее изъяны волновали супруга мало: во-первых, у него уже был сын от первого брака — общение их складывалось неважно, но свой род он считал продолженным и потому не переживал; а во-вторых, он просто ее любил.

Совсем другое, конечно, у Ганечки: первая любовь — и сразу навеки, оба молодые, красивые, оба отличники учебы, закончив вуз, расписались; ребенок опять же, Владлен, вместивший в своем лице набор лучших черт обоих родителей — легкие голубые глаза Ганечки, бледность ее кожи, тонкий нос Андрея и его же изящные брови, что придавали лицу немного удивленное и задумчивое выражение. Владик случился рыжим: причудливо соединились гены — у Гани волосы были светлее, отличали на солнце бронзой, а Андрюша — шатен. Нина любовалась ими, будто идеально собранным конструктором, комплектом, правильно подобранными деталями, и все же Ганечку ей все чаще хотелось для себя одной — и чтобы она смеялась.

Генрих идею совместного выезда на дачу одобрил: все равно дом был велик для них двоих,

да и Нине компания. В конторе на лето ей дали отпуск, а сидеть в одиночестве за городом то еще удовольствие. Так что Нина и Ганя собрали свои чемоданы и Владика и в назначенный день спустились к машине, которую прислал Генрих.

Дача пряталась среди редко раскиданных сосен и частых берез; парадное крыльцо слегка заросло — нужно косить. Позади дома, у сарая, крапива вымахала в полный рост, прямо джунгли, и Владик, конечно же, сразу поймал свои волдыри.

Дачу не так уж давно построили — шло их десятое с Генрихом лето, стало быть, юбилей. Дом был большой, двухэтажный, скрывался в зеленой глубине Балашихи, десятая линия, дом 41 — в первый же день Ганя заставила Владика вызубрить адрес, потому что тот все время норовил выскользнуть за забор и упереться завистливым лбом в калитку детского сада, стоящего напротив, а при удачном случае смешаться с другими детьми, если они вдруг выходили куда-то гурьбой.

Распаковавшись, Нина повесила гамак между сосной и беседкой и залегла там с книгой и папирсой, а Ганечка в своей веранде весело и легко наводила чудесный быт: стелила Владiku раскладушку, расставляла книги, вытирала скопившуюся за время зимнего отчуждения пыль.

На даче, конечно, много было хлопот, но больше всего удовольствия: Нина с Ганей сажали цветы и лук, выносили на просушку подушки и одеяла, играли в нарды. А Владик бегал по участку, изображая

поезд, и гудел, как шмель, приближаясь к воображаемому переезду.

Дни пошли теплые и спокойные: утром делали зарядку, включали радио и завтракали на улице. Ганя готовила блинчики и запеканки, кашу для Владика, Нина обязательно варила кофе: ставила на плиту почерневшую от огня турку, засыпала туда перемолотое зерно — не обычный цикорий, который можно было купить в любом магазине, а что-то совсем другое, ароматное, из таких стран, о которых Ганя даже не слыхивала. Откуда у Нины брался такой кофе, Ганя не спрашивала, зато живо интересовалась купальными костюмами.

— Этот откуда?

— Из Парижа.

— А этот откуда?

— Из Стамбула.

— Как много вы видели мира!

Ганя восхищалась тем, что Нина успела побывать за границей, когда еще можно было выезжать, и обо всем просила ей рассказывать, могла слушать эти рассказы часами, сидя у ног и вышивая какую-нибудь нелепицу. Руки у Гани были красивые, но точно не золотые: тигры у нее выходили кривыми, деревья — страшными, но Нине казалось это очень милым, она даже достала для Гани шелковый абажур, чтобы та расшила.

Иногда они раскрывали дореволюционную книгу рецептов, находили там что-то забавное, странное и пытались воспроизвести. Например:

«Омлетъ съ вареньемъ. Взять 5 яицъ, разбить, добавить 1 стаканъ молока, разболтать и поджарить въ маслѣ на сковородкѣ. Переложить на тарелку, помазать вареньемъ, закатать быстро ножомъ, поставить на 2 мин. въ духовку, вынуть и подавать». Ганя делала, Нина хохотала. Поджарить в масле еще удалось, даже вымазать вареньемъ получилось, правда, варенье дома водилось только смородиновое, а какое необходимо — не сказано. Быстро закатать ножом не вышло: омлет развалился и превратился в кашу, и уж тем более не представлялось возможным поместить сие в духовку — не обнаружилось ни духовки, ни посуды для нее. Ели так: намазывали на хлеб яично-вареное месиво; получилось съедобно, но точно невкусно.

В первую же неделю Владик вышел за ворота глазеть на садик и притащил домой уличную кошку. Кошка была небольшая — не совсем котенок, скорее подросток, — рыжая, точно Владик, а на лбу будто клеймо из полосок — буква «М». Владик нес ее перед собой на вытянутых руках — длинные тощие лапы свисали лианами. Когда Нина предложила вернуть кошку на место, Владик отчаянно заревел: «Я ее люблюууу», и это «люблю» еще долго вызывало у взрослых смех. Кошку называли Наткой.

Натка быстро освоилась, ночью жила своей собственной отдельной жизнью, а днем приходила в дом и спала на веранде, сложив голову на длинные лапы. Владик постоянно боялся, что Натка

сбежит, но та была не дура и к обеду всегда возвращалась.

Близились вторая летняя суббота, а в этот день Нина всегда устраивала карнавальную вечеринку, приглашала друзей. Ей нравилось, когда все принимают участие в празднике: приходят в костюмах или мастерят их прямо на месте, в процессе извлекая из них какую-то ладную историю, превращая ее в спектакль тут же, между ужином и десертом.

Нина и Ганя в этот раз соорудили себе одинаковые накидки из тюля, маски райских птиц из цветной бумаги, а на ужин решили приготовить оладьи из кабачков и цицилу с овощами — проще говоря, жарить целую курицу, начиненную овощами и специями.

Приехал с работы Генрих, а с ним друг семьи доктор Шапиро и коллега Генриха, замначальника дирекции спальных вагонов прямого сообщения Арсентьев с маленькой дочкой Асей. Арсентьев не так давно овдовел — жена его умерла от туберкулеза, — но за год оправился, и его доброе круглое лицо уже не было таким печальным, как прежде. По поводу дирекции спальных вагонов Нина всегда смеялась: «Вот это должность!» — и в шутку называла его «директор передвижных кушеток».

Приехала подруга Галка — шумная, громогласная машинистка из соседнего управления, главная сплетница и любительница веселья. Приехал и Андрюша с близким другом Сергеем Будко,

невысоким мужчиной с отталкивающе строгим лицом, но Нина решила первому впечатлению не доверять.

В фанты поиграли очень весело: все хохотали, даже Генрих, особенно когда Нине выпало залезть под стол и кукарекать, а она в своем одеянии и так была как сумасшедший петух.

Генрих умело развел огонь на кострище, взметнулись вверх красные звезды. Нина испугалась, что загорятся листья на нижних ветках стоящего поодаль клена, но они свернулись в трубочку и не занялись. Нина набросила платок: лето еще не вошло в свою полную силу, вечера стылые — и в обретенном тепле поймала знакомое ощущение, когда все свои рядом и так уютен этот ближайший круг.

Шапиро, главный шутник и задира, знакомый Генриха с юности, сейчас по-настоящему хороший врач-хирург, рассказывал смешной случай: захотел выпить пива в «американке»* у Покровских Ворот и стал свидетелем скандала — продавец разливал в грязные кружки, а когда один товарищ попросил

* В середине 1930-х гг. существовало несколько типов заведений, в которых можно было приобрести алкоголь: пивные-американки с высокими стойками, без стульев, пивные-закусочные с высокими стойками и незначительным количеством посадочных мест (в них обязательно должны были быть патефон, радио или баян), бары-пивные с художественной отделкой помещений и мебели (с обязательным оркестром и возможностью для посетителей потанцевать).